

ЧТО ОСТАЕТСЯ НАМ?

У книги, призванной рассказать о поэте Давиде Самойлове, двадцать три автора. Это очень разные люди. Разные по возрасту, душевному складу, роду деятельности, мере известности. Кто-то знал Самойлова (тогда еще Кауфмана) с довоенных лет, школьных (А. С. Черняев) или студенческих (Л. Б. Либединская, М. Г. Львовский, П. З. Горелик, К. М. Симис, И. К. Кузнецов), кто-то общался с поэтом лишь на закате его жизни (И. З. Белобровцева, Н. П. Мирская, О. Н. Хлебников). Многоцветна и жанровая палитра предлагаемого читателю сборника. Здесь сошлись свободные, композиционно прихотливые и изобилующие «отступлениями» истории, в которых в той или иной мере ощущается устный генезис (М. М. Козаков, В. Б. Смехов, А. М. Городницкий, Г. Р. Евграфов, И. М. Губерман), обстоятельно документированный текст отчетливо филологической складки (В. С. Баевский), монтаж из «эккермановской» летописи (В. А. Перельгин), самойловские страницы больших мемуаров, посвященных далеко не только поэту (А. С. Черняев, П. З. Горелик), повествования в исповедальной тональности (Г. И. Ефремов, О. Н. Хлебников), концентрированное предисловие к концентрированной же подборке стихов Самойлова, своего рода введение в его поэтический мир (Е. А. Евтушенко)... Совершенно особое место в книге занимают открывающие ее фрагменты лирических воспоминаний А. Д. Давыдова, сына поэта, «49 дней с родными душами».

Ясно, что каждый из мемуаристов ведет речь о «своем» Самойлове, а потому поведенные ими истории неизбежно «противоречат» друг другу. О некоторых таких антиномиях будет сказано ниже. Прежде, однако, должно отметить, что при всех различиях «составляющих» свода воспоминаний в нем вне сомнения ощущается единство. И обеспечено оно не только повторами «деталей», будь то фиксации определенных особенностей характера героя, его поведения, вкуса, духовных приоритетов, рассказы о конкретных житейских эпизодах, включения в тексты «ключевых» цитат из стихов Самойлова,

что в общем-то вполне закономерно. Не менее (и даже более) существенно иное — чувство, весело и печально выраженное в «фантастическом», но — Давиду сообщили: «Ким пишет о вас воспоминания». — «Да? — сказал Давид. — Ну что ж, пусть пишет. Плохо не напишет. Он меня любил. Я знаю». Что-то подобное не «могли бы сказать», а сказали (каждый — на своем языке) и другие авторы этой книги.

Здесь нет возможности охарактеризовать всех «вкладчиков» предлагаемого сборника и детально проанализировать их приношения. Подчеркну, однако: все публикуемые тексты достойны медленного (пристального) и благодарного прочтения. Весьма желательно, чтобы, знакомясь с ними, читатель держал в памяти «Памятные записки», самойловские «Былое и думы» (или, если угодно, «Поэзию и правду»), где поэт, хотя книга его и осталась недописанной, выстроил мощную и убедительную версию своего бытия и своего назначения. Но еще важнее воспринимать «новую информацию» в контексте стихов Самойлова, разумеется, далеко не только тех, что цитируются мемуаристами. Ибо рассказывают нам не просто о мужественном, умном и благородном человеке, солдате и труженике, остроумце и меланхолике, деятельном участнике большой истории и «частном лице», но, в первую голову, о поэте. Попытаюсь показать это на нескольких «примерах», что кажутся мне особенно выразительными. Надеюсь, эти беглые заметки помогут слышать доминирующую в воспоминаниях о Самойлове — *поэтическую* — мелодию и во многих других «точках» полифонического повествования двадцати трех авторов.

«Ни разу за 17 лет я не слышал (от Самойлова. — А. Н.) рассказов о военном прошлом. С трудом я вытянул из него самые необходимые факты для книги» — это из воспоминаний В. С. Баевского. А вот что пишет Ю. Ч. Ким: «Военное время Давид любил вспоминать. <...> Ясное дело, вспоминал он не героические бои, а разнообразные случаи и приключения, происходившие между боями и наполненные смехом и азартом молодости». Далее следует блестящая иллюстрация: сперва Самойлов и его одноклассник Феликс Зигель обсуждают, как использовалось во время войны место, где они оказались («— Вот здесь наверняка был НП. А вон там — КП. Тут пулемет должен был стоять. И вот тут. — Да, хороший сектор обстрела»), потом в застолье несколько часов поются песни военных лет. Выходит, свидетельство Кима (которому легко найти множество подтверждений) «перечеркивает» свидетельство Баевского либо дискредитирует мемуариста. Не выходит! Из писем, обильно цитируемых Баевским в том же очерке, явствует: Самойлов относился к своему корреспонденту с доверием и приятелью, обсуждал с ним отнюдь не только проблемы теории и истории стиха. Его уклонение в многолетнем диалоге от «военной темы» той же статьи, что шуточные разговоры о ней с другими

собеседниками. И те напряженные до мучительности раздумья о своем солдатском опыте, та обреченность на многократные новые «проживания» событий и ощущений военной молодости, что сказались и в соответствующих главах «Памятных записок» (над которыми автор работал с особым тщанием), и, конечно же, в стихах — хоть сравнительно «ранних», хоть в самых поздних.

О войне с ее трагической диалектикой должно говорить с предельной ответственностью, что не исключает горчащей самоиронии (так в «Сороковых», так в «Снегопаде», так в написанных «сорок лет спустя» «К передовой» и «Вале-Валентине»). О войне можно говорить «к случаю», словно бы играя, на мгновенье отстраняя шутиливой интонацией былой ужас, но напоминая о нем: смешно-то смешно, но запросто могло кончиться совсем иначе... О войне неудобно, тяжело, больно сообщать «факты», давать интервью — пусть даже достойному человеку и для нужного дела. Слишком большим событием в жизни поэта была война, выпавшая его стране, его поколению, ему самому. Думается, самым большим.

И здесь необходимо процитировать воспоминания одноклассника (тоже фронтовика), с которым Самойлов дружил долгие годы. «Только с Дезькой — в школе, а потом уже будучи студентами — мы говорили о будущей войне. Для нас с ним было ясно, что мы туда пойдем. Предстояла “наша война”. Эти слова — цитата. Когда много лет спустя после войны я его спросил, почему он, признанный и знаменитый поэт военного поколения, ничего не пишет о столь модной “угрозе новой войны”, Дезька ответил: “Это будет, Толедо, не наша с тобой война”. Сказал просто, сходу, не придав, видно, и значения тому, сколько в этих словах было “многоэтажного” смысла». А. С. Черняев глубоко прав, сопрягая отроческое (юношеское) знание будущего с суждением Самойлова о по-иному страшной современности второй половины XX века. Столь же глубоко прав он, отмечая смысловую «многоэтажность» реплики друга. Не вполне точен (думаю, лишь в «словах», а не в мысли), говоря о спонтанности и легкости самоейловского ответа. Поэт отреагировал «сходу» потому, что коллизия была выстраданной. Уже в «Ближних странах» сказано: «Да, испита до дна круговая, / Хмелем юности полная чаша. / Оттремела война мировая — / Наша, кровная, злая, вторая. / Ну а третья уж будет не наша!». И еще сильнее, тверже, окончательней в стихотворении 1964 года, которое поэт так и не увидел напечатанным, — составленный им сборник «Снегопад», куда наконец-то удалось ввести крамольный опус, вышел в свет посмертно. «Та война, что когда-нибудь будет, — / Не моя это будет война. / Не мою она душу загубит / И не мне принесет ордена»¹. Может быть, история снова заставит воевать — хоть и с совсем иным чувством, чем было в юности, но с тем же сознанием долга. Только такой поворот

¹ Здесь невозможно обмилить одно из принципиальных расхождений Самойлова с его другом-соперником. Слуцкий поминовение погибшего М. В. Кульчицкого завершил следующим шестистишьем: «Я не жалею, что его убили. / Жалею, что его убили рано. / Не в третьей мировой, а во второй. / Рожденный пасть на скалы океана, / Он занесен континентальной пылью / И хмуро спит в глуши своей степной». Не только о павшем здесь речь, но и о тех, кого вторая мировая оставила в живых. Из чего не следует, что Слуцкий был милитаристом. Как и Самойлов пацифистом не был.

событий — лишь один из вариантов судьбы. «Та война, что меня уничтожит,/ Осторожно и тихо идет./ Все сначала она подытожит,/ А потом потихоньку убьет». Строфа эта полнится общечеловеческим (экзистенциальным) смыслом, но и ее конкретный социально-исторический план ощутим вполне.

«Мне выпало горе родиться в двадцатом,/ В проклятом году и в столетье проклятом». Теперь можно уточнить: жизнь поэта почти точно вписалась в рамки советского периода русской истории. Он родился через два с половиной года после большевистского переворота (гражданская война шла к концу), а умер за полтора года до исчезновения СССР. Ход перенасыщенного грандиозными трагическими событиями времени не мог не сказаться на эволюции любого сколько-то склонного к рефлексии человека, тем паче — Самойлова с его обостренным историческим чувством. Разновозрастность мемуаристов обеспечила «фабульную полноту» истории Самойлова, сцепленной с историей страны.

В книге так или иначе запечатлены все «этапы большого пути»²: последние годы сталинского правления (мрачное семилетие); «оттепель» (показательно, что об этом временном промежутке говорится менее всего, что, по моему разумению, не случайно и требует обстоятельного обдумывания); ее болезненные судороги между низвержением Хрущева и вводом войск в Чехословакию³; растянувшиеся на без малого два десятилетия «таинственные семидесятые» (в биографии Самойлова этот «эон» формально делится на два переездом в Пярну в 1976 г.), позднее не слишком удачно названные «застоем»; «перестройка»... При этом, однако, кочуя в пространстве книги по несхожим историческим периодам, мы постоянно ощущаем единство личности ее героя. Не в последнюю очередь обеспеченное тем, что привычно (механистично) именуем «противоречиями». Что обнаруживаются в самых разных «сюжетах».

Вот разительнейший пример. В полном согласии многие мемуаристы (здесь имена не имеют значения) констатируют: московская колгота мешала поэтической работе Самойлова, он последовательно стремился к приватному бытию вне столицы, ограничению жизни семейным кругом, выстраиванию идиллии в гармонии с природным миром. Отсюда перебазирование сперва в Опалиху, потом в Пярну. Так? Разумеется. (Даже если отвлечься от того, что домостроительство и уход в себя далеко не всегда пребывают в полном согласии. Элегия и идиллия — жанры полярные, а прекрасный цикл «приморских» миниатюр называется «Пярнуские элегии».) Стихов, что подтверждают стихийно сложившуюся (выросшую из житейских наблюдений) концепцию, у Самойлова предостаточно. Но есть и совсем другие, где, казалось бы, сделанный раз и навсегда выбор «залива» подвергается сомнению, а стремление в родную Москву надиктовано отнюдь не только ностальгией по дет-

² Поскольку среди мемуаристов нет однополчан Давида Кауфмана, «его» Великая Отечественная война представлена в книге, так сказать, в отраженном свете. В этом плане, на мой взгляд, огромное значение имеют воспоминания М. Г. Львовского. Автор, входивший в то же содружество юных поэтов, что и Кауфман, предельно искренне делится *своим* военным опытом, отозвавшимся в его судьбе принципиально иначе, чем военный опыт Самойлова.

³ 12 ноября 1968 г. Самойлов вносит в дневник запись: «21 августа окончился целый период нашей жизни, период относительной либерализации, колебаний власти и выбора путей. Выбор сделан. Диктатура без диктатора сбросила все маски и без стеснения сбросила забрало. Все «сдерживающие» факторы, на которые еще недавно можно было надеяться, все месячные амплитуды потеплений и заморозков отпали. Надеяться больше не на что <...>. Впереди долгий, безрадостный и вновь трагический период русской истории и борьбы, где нелегко найти место, нелегко выработать практическую позицию жизни».

ству-отрочеству-юности. Как есть немало свидетельств (зачастую у тех же самых мемуаристов!) о постоянной толчее гостей (жданых и нежданых) и непрерывно длящихся пированиях, что в Опалихе, что в Пярну. Да и выбирался из Эстонии в столицу Самойлов не так уж редко, порой — надолго, и не только «по делам» (иные из которых можно было бы решить дистанционно). Чувства поэта к во всем противоположным локусам (большому, суетному, «своему» и малому, тихому, «чужому») не отрицают, но подразумевают друг друга. Как и его тяга, с одной стороны, к общению, контактам не только с давними, но и с новыми (вчера еще — неизвестными) друзьями, а с другой — к одиночеству. Чего стоила эта «диалектика» — тема отдельная. Но без нее того поэта, которого мы любим, просто не было бы. Как, кстати, не было бы и поэта, которого много кто именовал «переделкинским дачником», а Самойлов — «предпоследним гением». Да и о том, кто так и не успел совершить давно замысленный «побег в обитель дальнюю трудов и чистых нег», тут вспомнить уместно.

Сходно обстоит дело и в куда более «частных», литературно-бытовых» пространствах. Ряд мемуаристов отмечает, что вынужденно вступивший на стезю переводчика Самойлов тяготился этой работой, о чем иногда и проговаривался. (В частности, пишет о том Т. А. Жирмунская, участница семинара переводчиков, которым руководил Самойлов.) В дневниках поэта мы найдем раздраженные замечания о необходимости исполнить тот или иной очередной урок. (Особенно если оригинал оставляет желать лучшего.) О том, как переводческая подёнка иссушает собственно творчество, говорится и в «Памятных записках» — в основном применительно не к себе, а к другим поэтам. Все так. Но вот сохраненная Г. Р. Евграфовым реакция Самойлова на итоги его сотрудничества с «Библиотекой всемирной литературы». Поэт гордится (хоть и со слышимой самоиронией), что он, чьи переводы появились в 23 томах многославной серии, бесспорно обогнал «не самого худшего переводчика в Москве», вкладчика всего пяти томов (надо полагать, имеется в виду Ю. Д. Левитанский). Он с той же самоиронией говорит о «проигрыше» В. В. Левику, отметившемуся в 26 изданиях «БВЛ» (угадываемый подтекст: Левик и переводить раньше меня начал, и «своих» стихов, вроде бы, не пишет). А затем выкладывается «самый большой козырь»: «А Борис Леонидович участвовал в 19 томах...» (понятно, что посмертно) — и не перестал из-за того, что сжигал себя в переводах, быть неоспоримо великим поэтом. Не только шутка и смущение звучат в запомнившейся А. М. Городницкому реплике Самойлова, только что раскланявшегося с публикой на премьере «Двенадцатой ночи»: «Ты понимаешь? Я же выходил за автора!». И не только слепопремьерная эйфория подвигла в тот же вечер участников спектакля и друзей-зрителей предлагать Самойлову «перевести заново все ко-

медии Шекспира, чтобы дать им новую жизнь — как Пастернак дал новую жизнь шекспировским трагедиям». Уместно здесь напомнить, что одной из последних больших работ поэта стал перевод романа «Доктор Живаго» на язык драматургии (и язык Самойлова)⁴. Замечу, что в кульминации этих «сцен», юрятинском объяснении героя и героини, приводящем их к соединению, Живаго читает не какое-то из стихотворений, подаренных ему автором, не что-то из «внероманной» лирики Пастернака, но строфу его перевода «Der Schauende» («Созерцание») Рильке: «Как мелки наши с жизнью споры, / Как крупно то, что против нас. Когда б мы поддались напору / Стихии, ищущей простора, / Мы выросли бы во сто раз».

Было бы грубой натяжкой утверждать, что герой этой книги, подобно С. И. Липкину, видел в переводческой работе исполнение священной миссии. Но и скорбное признание А. А. Тарковского («Для чего я лучшие годы / Продал за чужие слова? / Ах, восточные переводы, / Как болит от вас голова») совсем не в его духе. Вот и задумаемся, чем же были для Самойлова его переводы?

Не просто обстоит дело и с отношением поэта к младшим собратьям. Т. А. Жирмунская, ученица Самойлова в самом точном смысле слова, участница семинара переводчиков, которым он руководил, подробно описывает работу мастера с подопечными — его строгость, часто переходящую в жесткость, неожиданные приступы снисходительности мэтра, его внимание не только к обсуждаемым на занятиях «опытам», но и к потенциалу семинаристов. Жирмунская вспоминает: прослушав несколько ее оригинальных стихотворений, Самойлов, выдержав паузу, сказал: «— Вам надо поскорей все это напечатать и начать писать по-другому». Похоже на знак признания, не шуточного, а полноценного «рукоположения в поэты»? Похоже. Но далее Жирмунская пишет:

«Кстати, слова “учитель”, “ученик” (и даже “ученица”) на разные лады варьируются в его стихах. У меня давно засело в памяти:

Пускай лукавый лавр примерит ученица
И, дурней веселя, гарцует ученик!

Можно было бы принять первую, довольно лестную строку на свой счет. Но тогда не отмахнешься и от другой самоейловской сентенции:

Не верь ученикам,
Они испортят дело...

Нет уж, не будем подставлять в поэтические уравнения с неизвестными живые имена».

Верно. Но проблема, которую почувствовала Жирмунская, сложнее. Может ли вообще «ученичество» быть плодоносным не в переводе (где важна «техническая» компонента), но в собственно поэзии? Отношения старшего и младшего всегда конфликтны. Если не трагичны. Об этом одно из самых сложных стихотворений Самойлова, что видится мне сознательно «затемненным» — «Учитель и ученик», с его полифонией эпиграфов и иронично-печальным подзаголовком «идиллия». Обращенный вариант этой коллизии (автор в позиции младшего) явлен в «Зрелости» («Спасибо тем, кто нам мешал! / И счастье тем, кто сам решал, — / Кому не помогали!») и «Старике Державине». Не на «учеников» (своих или чьих бы то ни было) возлагались надежды в стихотворениях начала 1980-х («Когда сумбур полународа...», «Когда сумеем угадать...», «Ожиданье пришествия»).

И все же... О. Н. Хлебников свидетельствует: «Самойлычу нравилось чувствовать себя окруженным учениками, мне же он говорил, что я не его ученик, а Слуцкого». Может, потому и «назначал» учителем молодого поэта своего друга-соперника, что стремился (сознательно или бессознательно) уйти от неизбежного конфликта (выпавший о ту пору из жизни Слуцкий был от этой напасти застрахован). Но сейчас нас интересует другое: желание (возможно, в известной мере, игровое) иметь учеников, пусть, по Хлебникову, «так называемых». Желание, сопряженное с надеждой на «случай», что, быть может, выявит в подмастерье непредсказуемого и нового, необходимого русской словесности, поэта.

В одном интервью И. А. Бродский назвал Самойлова своим учителем в области перевода, то есть деле «техническом». Но только ли в нем? И только ли человеческая благодарность за давние поддержку и помощь обусловили это признание? 28 декабря 1987 г. Самойлов писал Л. К. Чуковской о новом нобелевском лауреате: «Приятной неожиданностью было для меня, когда по радио услышал, что для его поэтического развития много дали стихи Норвида в моем переводе. Теперь вспомнил, что он помнил наизусть «Траурный рапсод генералу Бему» и часто его повторял».

Поскольку стихотворение это (как, увы, и другие переводческие шедевры) едва ли помнится многим верным читателям Самойлова, приведу его зачин и коду:

Тень, зачем уезжаешь, руки скрестив на латах?
Факел возле колена вспыхивает и дымится.
Меч отражает лавры и плач свечей тускловатых,
Сокол рвется, и конь твой пляшет, как танцовщица.
Веют легкие стяги, переплетаясь в тучах,
Как подвижные палатки в лагере войск летучих.
Воют длинные трубы, захлебываясь; знамена
Клонятся, словно птицы с опущенными крылами,

Словно сбитые пикой ящеры и драконы,
Пикой, которую ты когда-то прославил делами
<.....>
И поплетемся вдаль с песнею похоронной,
Урнами в двери стуча, посвистывая, как непогода,
Так что рассыплются в прах стены Иерихона,
И спадет пелена с глаз и сердец народа.
.....
Дальше-дальше...

Думаю, в том, где и как у Бродского отозвался этот торжественный прощальный плач, читатель разберется без под-
сказки.

Еще один примечательный «частный» микро-сюжет — поэт и его просвещенные читатели. «Ну надо же, чтобы стихи кто-то понимал», — этот возглас мастера О. Н. Хлебников приводит в скобках, перед которыми упомянут «молодой тогда критик Сергей Чупринин, на которого Самойлыч возлагал большие надежды». Реплика «двоится»: надо-то надо, но понимают ли поэзию даже те, с кем на серьезном основании связываются большие ожидания? Те, кто зарекомендовал себя наилучшим образом? В далеко отстоящем от времени общения с Хлебниковым и Чуприниным 1956 г. Самойлов записывает в дневнике: «“Чайная” не нравится Слуцкому, нравится Е. Винокурову. (Понятно, хотелось, чтобы было строго наоборот. — А. Н.). Лучше всего верить себе» (25 апреля). Годом с небольшим позже (4 мая 1957) фиксируются впечатления от «угадываемой» реакции на ту же поэму двух молодых ленинградских поэтов Л. В. Лифшица (будущего Лосева) и Е. Б. Рейна: «Читая им стихи, чувствовал длинноты и недостатки “Чайной”. Людям *очень* хорошего вкуса она не должна нравиться. Поэма — серьезнее, важнее, хотя в ней много *несовершенного*» (курсивы Самойлова). Бог с ними — пригрезившимися поэту «длиннотами» и «недостатками» («несовершенствами») «Чайной», одного из высших его созданий в «большой форме», не «перекрытого» ни «Струфианом», ни «Снегопадом», ни «Возвращением». (Знали свое дело те, кто несколько лет не пропускал пронзительную поэму в печать, а републикацию ее (1983) милостиво позволил больше, чем через два десятилетия после появления в выпущенных по недосмотру «Тарусских страницах» (1961). Были это отнюдь не «люди *очень* хорошего вкуса!»). Вполне возможно, что Самойлов примыслил скепсис своих слушателей. Важно, что его «мнительность» была накрепко сцеплена с убеждением «Лучше всего верить себе», в данном случае — с верой в значимость «Чайной».

В дальнейшем Самойлов если и фиксирует в дневнике появление посвященных ему текстов, авторы которых — профессионалы, бесспорно расположенные к своему «предмету»,

то с признательностью, но без восторга. Неприятие сквозит в его суждениях о концептуальной статье Ст. Б. Рассадина, вошедших в письмо М. М. Козакову (см. его мемуар). Разумеется, вежливое: Самойлов знал, что адресат — близкий друг Рассадина, да и к нему самому поэт относился приязненно. И все же зерно письма можно свести к трем не проговоренным впрямую словам — *опять не то*. Хотя и иное, чем прежде: «По крайней мере, перестали талдычить, что я зрелый, ясный и трезвый...», чему отдали дань многие достойные критики, включая и Рассадина. В. С. Баевский не скрывает былой досады: любимый поэт по существу не отреагировал ни на посвященную ему основательную статью, ни на монографию, само появление которой было по советским временам событием экстраординарным, предпочел отмалчиваться и отшучиваться. Имена, достоинства, концепции, методы, репутации критиков (исследователей) здесь значения не имеют — это общее правило⁵ (вероятно, знавшее исключения, что, как обычно, правила по-своему подтверждают).

И все же: «Ну надо же, чтобы стихи кто-то понимал!» Самойлов остро нуждается в аудитории. Он читает свои творения (не только стихи, но и прозу, и пьесы) — и с глазу на глаз, и в дружеских (приятельских) компаниях, и публично, делится новыми стихами в письмах особо дорогим корреспондентам (например, к Л. К. Чуковской), обсуждает строй, происхождение и «смысл» и в разговорах, и эпистолярно. Иногда шутливо мистифицируя собеседника. Такова рассказанная В. С. Баевскому история о том, что «Сороковые» и «Старик Державин» были написаны в один похмельный день (той же счастливо изобретенной легендой поэт одарил и Ю. И. Абызова⁶). Таковы «музыкальные» («для благозвучия») толкования слова «крали» в стихотворении «Цыгане» и якобы проведенная поэтом подмена номера симфонии Шуберта в последней из «Пярнских элегий», о которых вспоминает Ю. Ч. Ким⁷. Можно указать и другие примеры.

Но в иных признаниях поэта доля шутки (если она есть!) решительно уступает доле правды.

Вспоминает П. З. Горелик. «Самойлов признавался мне, что, по сути, написал “Снегопад” ради одного четверостишия: “Я постарел, а ты все та же. И ты в любом моем пейзаже — Свет неба или свет воды. И нет тебя, и всюду ты”. Это место в моих воспоминаниях вызвало сильную негативную реакцию и даже <...> было осмеяно в неких кругах. В каких именно, осталось “за кадром”. Конечно, запомнившиеся мне слова Самойлова нельзя понимать буквально. Согласен, что “по сути” и “ради” здесь не совсем уместны. Готов прислушаться к критике и разобратся. Возможна aberrация памяти... Но одно я запомнил точно: речь шла именно об этом четверостишии. Скорее всего, Самойлов говорил о том, что оно выражает волшебство, к кото-

⁵ С грустью инверсировую светлую фантазию Ю. Ч. Кима. Если в Элизий, где обретаются поэты, доходят вести о здешних-теперешних литературных заморочках, то реакция Самойлова на мои «интерпретации»... Хорошо, коли презрительная усмешка, но, возможно, и яростный гнев.

⁶ См.: Абызов Юрий. Сон о Державине и тязба о лире // Самойловские чтения в Таллинне: Материалы международного научно-практического семинара 29–30 мая 2000 года. Таллинн, 2001. С. 70.

⁷ В силу того, что одну из симфоний Шуберт не завершил, его вершинное творение («Неоконченная») может получать разные номера — 7 и 8. Выбирая второй (кстати, более распространенный) вариант, Самойлов отвечает на вопрос, поставленный им в первой строке — «Чет или нечет»? В архаической мифологии «чет» ассоциируется с жизнью, добром, светом, «нечет» — со смертью, злом, тьмой. «Восьмая» в элегии (между прочим, четной, четырнадцатой!) знаменует не порядковый номер, но конечное торжество благого начала, одолевающего «муку без края». О «кралях» (номинации, подозрительно роднящей добропорядочных нянюшек с ушлыми цыганками) еще стоит подумать.

рому стремился и которого достиг в “Снегопаде”». Ни мгновения не сомневаюсь: так все и было. Хотя не хуже представителей «неких кругов» знаю, что ради одного четверостишия поэмы не пишутся. Как знал это Горелик, смущенно извинявшийся за якобы неудачный словесный оборот, но твердо стоявший на своем. И как знал эту, право слово, не шибко мудреную истину Самойлов, что не помешало ему сказать именно то, что запомнилось его другу. Верю не только (не столько!) потому, что «не литератор», профессиональный военный, человек повышенной ответственности менее всего подходил для роли объекта игровой мистификации (в отличие от поэта Кима или филолога Баевского). Верю потому, что признание поэта и точно отмеченная Гореликом его связь с «волшебством» поэмы замечательно открывают смысловую многомерность поэмы, что начинается бытовым рассказом о «другом» и плавно (уподобляясь метаморфозам снегопада) превращается в лирическую исповедь.

Подлинность другого сильного признания Самойлова оспорена быть не может. Н. П. Мирская приводит его по расшифровке магнитофонной записи, сделанной в московской квартире поэта 6 мая 1989, сверенной с записями, которые мемуаристка вела в тот вечер.

«Лепский поет стихи Д. С.:

“Поводырь ведет слепого”.

“Шарманщик”.

“Поворожи, цыганка”, по просьбе Д. С. в третий раз.

Д. С.: “Ты знаешь, Жора, это лучшее мое стихотворение, за всю жизнь написанное”. Все возражают.

Д. С.: “А какое лучшее? Лучшего у меня не было”».

Возражали Самойлову люди, отлично помнившие, ценившие и понимавшие его стихи — жена и близкие друзья. Да и мы ведь готовы включиться в их хор. Как это «лучшее»? А «Из детства», «Сороковые», «Старик Державин», «Давай поедem в город...», «Названья зим», «Пестель, поэт и Анна», «Выезд», «Вот и все. Смежили очи гении...», «Солдат и Марта», «Полночь под Иван-Купала...», «Пярнуские элегии», «Залив»... Оборвем перечень, длить который можно было бы долго, неизбежно переходя от сомнительного согласия к ожесточенному спору. Поэт свое слово сказал и контраргументов не принял.

Я не знаю, выставлял ли Самойлов еще когда-нибудь «высший балл» «Романсу» (так озаглавлено стихотворение, написанное в 1984 году). Не помню свидетельств о том, что в других ситуациях он отдавал первенство каким-то иным своим стихам (тут, возможно, ошибаюсь). Допускаю, что апология «Романса» была стимулирована пением друга юности, а на следующий день Самойлов забыл вчерашнее утверждение. Все может быть. И все это не колеблет глубокой серьезности прозвучавшей в дружеском кругу самооценки Самойлова, кото-

рую мы — вне зависимости от личных пристрастий — обязаны
взять во внимание.

Поворожи, цыганка,
На картах погадай,
Ограбь меня до нитки,
Но молодость отдай!
<..... >
— Прости меня, мой милый,
Что не могу пустить.
За то, что не любила,
Не можешь мне простить.

Я отойду печальный —
Все вспомнил, все забыл.
— Тебя, мой друг Татьяна,
Так мало я любил.

Забыто — не забыто.
И больно. И светло.
И то, что будет после,
Уже произошло.

Это прекрасные стихи. Вчитываясь (вслушиваясь) в них, мы обретаем шанс кое-что понять и в самоощущении «позднего» Самойлова, и в неизменном строе его полнящейся «противоречиями» души, и в смысловом единстве его судьбы. Так и во всем «цыганском цикле», формально не обозначенном, но отчетливо явленном в «Голосах за холмами», где один за другим идут «Цыгане» (1981), «Романс», «Водил цыган медведя...», «Играй, Игнат, греми цимбал!..» (все — 1984), «Фантазия о Радноти» (1981)... Как ни крути, а поэт знает о себе несоизмеримо больше, чем даже самые лучшие его читатели. Будем же благодарны тем собеседникам Самойлова, что расслышали и сохранили для нас его якобы «случайные» слова — о мироустройстве, истории, России, словесности... И о себе самом — своем назначении, своем счастье и горестях, своих заблуждениях и надеждах.

Здесь бы и поставить точку. Но невозможно миновать того, что в «Доме-музее» названо «последним разделом». Символичность ухода Самойлова (23 февраля 1990) — после речи, произнесенной на вечере памяти Пастернака в годовщину кончины Слуцкого, пришедшейся на день Красной армии — отметили многие мемуаристы. И не только они. Тут спора быть не может, а понимание случившегося — в провиденциальном или психологическом ключе — дело свободное, зависящее от душевного склада каждого из тех, кто задумывается над в принципе неразрешимым вопросом. Мне же сейчас кажется

важным обратить внимание на размышления несколько иного плана. А. М. Городницкий поставил смерть Самойлова в ряд с двумя другими случившимися немногим ранее уходами — Н. Я. Эйдельмана (29 ноября 1989) и А. Д. Сахарова (14 декабря 1989). «При всем несходстве личностей, жизни и характера трех этих замечательных людей, рода их занятий и одаренности, у них была одна главная общность — непоколебимая вера в возможность мирного реформаторского преобразования нашей многострадальной страны, любовь как конструктивная основа бытия, убеждение, что в себе, а не в окружающих надо искать причины наших бед и неудач, надежда на духовное обновление человека, на его нравственное возрождение. Теперь этой могучей веры, питающей нас, не стало. Не знак ли это судьбы перед решительным переломом в ходе сложных событий в нашей стране к худшему? Не поворот ли от торжества любви и разума, которое они олицетворяли, к смутным временам, к царству ненависти и насилия?».

В воспоминаниях о последних годах поэта чередуются свидетельства о его надеждах на лучшее (весьма выразительно пишет о том И. М. Губерман) и его скепсисе, перерастающем в тревогу на грани отчаяния. Так и в его письмах — как приводимых мемуаристами, так и обращенных к другим адресатам (например, к Л. К. Чуковской). Так в поденных записях. Так и в раскаленных противоборствующими страстями и мыслями стихах, что обрели читателей уже после кончины поэта. Сейчас мы, по понятным причинам, склонны обращать внимание на «темную сторону», на горькие и грозные пророчества и на констатацию неизменности нашей недоли.

Свободы нет. Порыв опасный
Отнюдь не приближает к ней.
Лишь своевольства дух всевластный
Осуществляется вольней.

Но все же в звездные минуты
Мы обольщаемся мечтой.
И кровь кипит. И судьбы вздуты,
Как парус, ветром налитой.

И в упоенном нетерпенье
Рвем узы тягостных тенет.
И сокрушаем угнетенье,
Чтоб утвердился новый гнет.

Последнее из «Трех стихотворений» датируется 1987 годом. Но сформировался этот трагический цикл двумя годами позднее — в том же 1989-м, когда той же рукой было написано, тем же голосом произнесено:

Фрегат летит на риф.
Но мы таим надежду,
Что будет он счастлив
И что проскочит между
Харибдою и Сциллой,
Хранимый Высшей Силой.

Что остается нам?
Убавить паруса.
Удерживать штурвал.
И, укрепясь молитвой,
Надеясь на то,
Что внемлют небеса
И пронесут фрегат
Над Сциллой и Харибдой.

14 января Самойлов пишет Г. И. Ефремову: «... события вокруг тревожат, лишают сна и покоя. Взгляд на будущее у меня самый безнадежный. Разве что чудо произойдет. Но верится мало». Мало... Но и появление в письме слова «чудо» со счетов не сбросишь. Поручкой тому надпись на фотографии, сделанная Самойловым в 1985 году и предельно точно отразившая невероятную, но совершенно реальную историю:

«Вероятно, все же чудеса случаются. Спасибо Андерсену.

Эре Васильевне Сусловой, минутному видению через сорок лет».

По Самойлову, присутствие в нашем мире чуда утверждено не только датским сказочником, но и первым русским поэтом (мягкая реминисценция послания «К***»). Другое дело, что, по Жуковскому (Шиллеру), «нет залогов от небес». А третье... Вот что Самойлов написал 3 февраля 1990 года героине непродуманной сказки:

«Мы все ожидали ветров истории, думая, что это обязательно будут свежие ветры. Оказалось, что они дуют с разных сторон с неожиданной силой, а иногда переходят в ураганы, приносящие разрушение.

И все же хорошо, что это происходит. Я верю, что истинное обновление придет. Но кажется, что любые перемены в России происходят каким-то страшным образом. Обязательно с жертвами.

Нам-то уж нечего бояться. Жалко молодых.

А с другой стороны, было бы еще более жалко, если бы они жили в прежних пониманиях жизни, и в прежних нормах, и прежних угрозах. Трудно будет им обрести себя. Но верю, что из этого что-то выйдет. А нам остается тревога за них.

С этой тревогой и живу».

Повторим вопрос, которым Самойлов задавался за несколько месяцев до смерти: *Что остается нам?* «Напра-

«ТЕБЯ МНЕ ПАМЯТЬ
ВОЗВРАТИЛА...»

Книга воспоминаний
о Давиде Самойлове

⁸ К сожалению, я не мог сколько-то обстоятельно рассмотреть все темы, так или иначе затронутые мемуаристами. За кадром остались весьма богатые представленным в книге материалом смысловые комплексы, например: «Самойлов и поэты-современники», «Самойлов и Эстония» (здесь обращаю внимание на очерк И. З. Белобровцевой), «Самойлов и театр» (на сей счет много важного найдется в воспоминаниях В. Б. Смехова, хотя, конечно, не только в них)...

шивающийся» ответ — *Читать и перечитывать Самойлова* — будет свидетельствовать лишь о нашем скудоумии. Самойлов не может научить «правильно жить». Как не могут сделать этого Пастернак, Толстой, Пушкин... Великая поэзия не брошюра «Сто полезных советов будущему миллионеру». Читать же Самойлова, вдумываться в его стихи и прозу, личностность и судьбу, «встраивать» его свершения в общее поле русской (и не только!) словесности и истории так же необходимо, как при его жизни, и в десятилетия, разделяющие уход поэта и день сегодняшней. Книга, сложившаяся из воспоминаний и размышлений двадцати трех авторов, может в этом помочь⁸. Особенно тем читателям, что с пониманием отнесутся к парадоксальному признанию Э. В. Суловой в одном из писем поэту: «Мне нравится у Вас даже то, что Вы еще не написали».

Андрей Немзер

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абызов Ю. И. — 13, 94, 119, 154, 143, 204–207, 241, 293, 371, 378
Аверинцев С. С. — 141
Агранович Е. Д. — 317, 349, 367
Аксенов В. П. — 200
Алигер М. И. — 164, 352, 381
Алипов С. Ю. — 376
Аллилуева С. И. — 60
Андерсон Р. — 312
Анненский И. Ф. — 67, 289
Антокольская Н. П. — 320
Антокольский П. Г. — 301
Анчаров М. Л.
Аполлинер Г. — 71
Арбузов А. Н. — 317
Артамонов С. Ф. — 149
Артёмов А. А. — 352
Асеев Н. Н. — 68, 246, 352
Ахмадулина И. А. — 152, 200, 249, 289, 301
Ахматова А. А. — 58, 68, 69, 71, 96, 122, 123, 135, 137, 154, 207, 244, 251, 288, 289, 296, 300, 307, 352
Бабель И. Э. — 263
Бабичков В. А. — 421, 423, 428
Багрицкий В. Э. — 391
Багрицкий Э. Г. — 68, 153, 352
Баевский В. С. — 5, 6, 13, 57–116, 126, 132
Балтер Б. И. — 200
Бахтин М. М. — 190, 191
Безыменский А. И. — 428, 438
Безыменский Л. А. — 428, 430, 431
Бек Т. А. — 89, 96
Бёлль Г. — 64, 115
Белобровцев В. И. — 117, 119, 124, 125, 377
Белобровцева И. З. — 5, 18, 117–127, 380
Берестов В. Д. — 69
Берковский В. С. — 157, 162
Берман А. Л. — 242
Блок А. А. — 68, 154, 352, 423
Богданова Т. — 70
Богораз Л. И. — 208
Болдырев С. Л. — 141, 360
Боннэр Е. Г. — 199, 203, 298
Бородинский А. Э. — 60
Боргнянский Д. С. — 113
Брехт Б. — 393
Брик О. М. — 389
Бродский И. А. — 11, 12, 68, 96, 119, 123, 135, 156, 217, 222, 271, 285, 299, 302, 304
Брюсов В. Я. — 423
Бубков А. С. — 419
Буковский В. К. — 200, 260
Бухарин Н. И. — 425
Бухштаб Б. Я. — 70
Ваксберг А. И. — 94
Васильев П. Н.
Виан Б. — 71
Вигдорова Ф. А. — 300
Винокуров Е. М. — 12, 99, 416
Вишневский В. В. — 385
Владимов Г. Н. — 253
Вознесенский А. А. — 72, 94, 95, 115, 152, 164, 267
Войнович В. Н. — 200, 253
Володин А. М. — 294, 355, 356
Волохонская Т. — 128
Волчек Г. Б. — 278, 319
Вронский Ю. П. — 247
Высоцкий В. С. — 64, 162, 260, 289, 331, 343
Вяземский П. А.
Габай И. Я. — 208, 252
Габович Б. Е. — 125
Галансков Ю. Т. — 65, 200
Галас Ф. — 218
Галич А. А. — 260, 368
Гамсун К.
Ганнибал А. П. — 155, 201
Гарин Э. П. — 219
Гаспаров Б. М. — 107
Гаспаров М. Л. — 70, 107
Гафт В. И. — 399
Гегечкори Н. — 428
Гейне Г. — 81
Гелескул А. М. — 225, 414
Гердт З. Е. — 113, 119, 136, 137, 146–148, 162, 194, 196, 206, 257, 258, 288, 293, 371, 380, 397, 414
Гёте И. В. — 292, 309
Гинзбург А. И. — 65, 200
Гладков Г. И. — 262
Глазков Н. И. — 62, 296, 349, 404
Глен Н. Н. — 218
Гоголь Н. В. — 297
Горбачев М. С. — 175, 196, 203, 418
Горбовский Г. Я. — 67
Горская Н. В. — 247

- Гордин Я. А. — 304
 Горелик П. З. — 5, 14, 37, 123, 128–145, 188, 226, 360, 375, 388, 414
 Городницкий А. М. — 5, 9, 16, 146–166, 252, 258, 266, 414
 Горький М. — 423, 425
 Гречко Г. М. — 194, 195
 Грибанов Б. Т. — 65, 144, 325, 391, 416
 Грибоедов А. С. — 65
 Григорьев В. П. — 74
 Гроховяк С.
 Губенко Н. Н. — 398
 Губерман И. М. — 5, 16, 167–175, 414
 Гуд. Т. — 153
 Гудзенко С. П. — 131, 391
 Гулыга А. В. — 382
 Гумилев Н. С. — 68, 203, 352
 Гяда С. — 237, 240, 242
- Давыдов
 (Кауфман) А. Д. — 30–56, 78, 126, 138, 186, 198, 209, 214, 230, 231, 239, 383
 Далчев А. — 225
 Даль О. И. — 152, 306
 Даниэль Ю. М. — 65, 154, 187, 196, 198, 216
 Данин Д. С. — 352
 Данте Алигьери — 282
 Дельвиг А. А.
 Державин Г. Р. — 69, 282
 Джеймс П. — 152, 394
 Дибич И. И. — 157
 Диков Ю. — 75
 Димитрив Г. — 387
 Долгин Ю. И. — 321
- Долматовский Е. А. — 352, 381
 Дорман О. В. — 419
 Дорошенко Е. А. — 196
 Дорф П. Я. — 420–422
 Достоевский Ф. М. — 158
 Дубашинский И. А. — 61
 Дубынин Д. И. — 427
 Душечкина Е. — 124
 Дюрренматт Ф. — 312
 Дюрер А. — 338
- Евграфов Г. Р. — 5, 9, 65, 186–208, 232, 237, 234
 Евстигнеев Е. А. — 344
 Еврипид — 285
 Евтушенко Е. А. — 5, 124, 187, 209–213, 344
 Егиков И.
 Елисеев Н. Л. — 128
 Еременко А. В. — 259
 Ерофеев Вен. В. — 241
 Есенин С. А. — 186
 Ефремов Г. И. — 5, 17, 186, 214–243
- Жигулин А. В. — 72
 Жирмунская Т. А. — 9, 10, 70, 150, 244–257
 Жорес Ж. — 148
 Жуковский В. А. — 17
- Заболоцкий Н. А. — 289, 301
 Зак А. Г. — 320, 329
 Заманский В. П. — 79
 Захаров М. А. — 262
 Захарченя Б. П. — 293, 305, 309
 Звягинцева В. К. — 70, 150, 244, 245
 Зеленко А. У. — 418
- Зив М. П. — 320, 321
 Зигель Ф. Ю. — 6, 158, 196, 251–261, 414, 420, 428, 424
- Иванов А. А. — 94
 Иванов Вяч. Вс. — 153
 Ивинская О. В. — 63
 Израилев И. А. — см. Окунев Ю.
 Ийеш Д. — 224–246
 Искандер Ф. А. — 148, 153
- Каверин В. А. — 186, 234
 Кагарлицкий Ю. И. — 131
 Каждан А. П. — 320, 323
 Казин В. В. — 205
 Кальдерон П. — 360
 Камбурова Е. А. — 149
 Каминская Д. И. — 208, 382, 385
 Кантемир Д. Д. — 104
- Карякин Ю. Ф. — 146, 391, 344
 Капица С. П. — 390
 Кауфман В. Д. — 35, 150, 171, 201
 Кауфман Павел Д. — 35, 201, 204, 229
 Кауфман Петр Д. — 35, 150, 201, 204
 Кауфман С. А. — 37, 57, 129, 138, 209, 340, 341, 383
 Кауфман Сергей. А. — 230
 Кауфман Ц. И. — 37, 57, 129, 138, 147, 231, 342
 Ким Ю. Ч. — 6, 13, 14, 162, 225, 252–267, 397, 414
 Киплинг Р. — 68
 Кирсанов С. И. — 352

- Клейнер Р. А. — 148, 161, 288, 294, 367, 394, 395
- Коган П. Д. — 64, 78, 121, 128, 317, 349, 352, 367, 381, 382, 391
- Кожин В. В. — 196, 286
- Козаков М. М. — 5, 13, 119, 123, 161, 194, 196, 236, 257, 278–315, 360, 371, 347, 414
- Козлов Д. — 149
- Колмановский Э. С. — 225
- Комиссаржевский В. Г. — 285
- Кондратьев В. Л. — 94
- Копелев Л. З. — 66, 70, 115, 123, 154, 196, 198, 200, 295, 297
- Коренева Е. А. — 284
- Коржавин Н. М. — 82, 200, 325, 395
- Корнилов В. Н. — 72, 250
- Коростылев В. Н. — 320
- Коротич В. А. — 81
- Косов С. А. — 132, 210
- Кочетов В. А. — 148
- Краковская А. А. — 370
- Крелин Ю. З. — 135
- Кривицкий Д. И. — 152, 146
- Кронрод Я. А. — 389
- Кросс Я. — 117, 127, 141
- Крымко Ф. М. — 320
- Кузмин М. А. — 68
- Кузнецов И. К. — 5, 60, 163, 316–331
- Кузнецов Ф. Ф. — 64
- Кузнецов Ю. П. — 286
- Кунингас Х. — 378
- Кузнецова А. М. — 288
- Кульчицкий М. В. — 7, 64, 78, 121, 317–319, 327, 332, 346, 352, 391
- Куняев С. Ю. — 186
- Кушнер А. С. — 67–70, 224, 289
- Лазарев Л. И. — 94, 300
- Ланн Е. Л.
- Лапшин И. А. — 64
- Лебедев А. А. — 65
- Левик В. В. — 9
- Левитанский Ю. Д. — 9, 72, 78, 118, 152, 162, 164, 186, 196, 200, 289, 294, 301, 361, 368, 414, 415
- Леонтьев Б. И. — 420, 424
- Лепский Г. С. — 367
- Лермонтов М. Ю. — 308
- Либединская Л. Б. — 5, 167, 332–336, 414
- Лившиц Л. В. — 12
- Липкин С. И. — 10, 303
- Литвинов П. М. — 208
- Лифшиц В. Я. — 385
- Лизинский М. Л. — 116
- Локшина Х. А. — 219
- Ломоносов М. В. — 69
- Лотман Ю. М. — 70, 87, 102, 118, 123
- Луговской В. А. — 68, 352
- Лукин В. П. — 196, 225, 254, 260, 263
- Луконин М. К. — 352
- Лунгин П. С. — 419
- Лунгин С. Л. — 5, 337–348
- Лунгина
(Маркович) Л. З. — 337, 419, 420, 428
- Львов М. Д. — 349
- Львовский М. Г. — 8, 131, 117, 318, 332, 341–356
- Любимов Ю. П. — 64, 65, 148, 340–400, 435
- Майоров Н. П. — 64, 317, 318, 349
- Максимов М. Д. — 320, 321
- Малдонис А. — 223, 224, 230, 242
- Мандельштам О. Э. — 68, 122, 123, 175, 303, 352
- Мараш М. Р. — 405, 406
- Маркиш П. — 210
- Мартинайтис М. — 223–225, 236, 242
- Марченко А. Е. — 370
- Маршак С. Я. — 153, 393
- Мартынов Л. Н. — 74, 247
- Марченко А. Е. — 370
- Матвеева Н. Н. — 74
- Матусовский М. Л. — 352, 381
- Махлах Е. С. — 320, 321
- Маяковский В. В. — 352, 423
- Медведев Ю. — 393
- Медведева Г. И. — 35, 89, 93, 112, 125, 134, 137, 147, 149, 150, 164, 170, 171, 200, 207, 229, 233–235, 257, 279, 330, 333, 364, 375, 380, 401, 407
- Межелайтис Э. — 152
- Межиров А. П. — 69, 74, 301, 334, 345
- Мелешкина М. П. — 383
- Меркулов В. Г. — 225
- Меснянкина И. — 320

- Миколайтис-Путинас В. — 246, 248
 Микоян А. И. — 416
 Минц З. Г. — 70, 102
 Миронов А. А. — 262
 Миронова Н. Ф. — 123
 Мирская Н. П. — 5, 357–374
 Мисявичус Й. — 190
 Михоэлс С. М. — 210
 Молотов В. М. — 401, 426
 Мориц Ю. П. — 303
 Моцарт В. А. — 157
- Набоков В. В. — 105
 Наливайко Е. Г. — 152, 234
 Наль А. А. — 149, 236, 374, 404
 Наровчатов С. С. — 78, 79, 112, 332, 349, 352, 360, 367, 375, 404
 Неелова М. М. — 344
 Нейман Б. В. — 66
 Некрасов В. П. — 260, 294
 Некрасов Н. А. — 69
 Немзер А. С. — 5–18, 57, 132
 Нийт Э. — 127
 Никитин С. Я. — 149, 160, 162, 341, 355, 367, 372
 Никитина Т. Х. — 355
 Никулин В. Ю. — 152, 378
 Нисанов В. Н. — 317
 Ницше Ф. — 433
 Нормст И. — 378
 Нусинов И. И. —
- Огнев В. Ф. — 136
 Озеров Л. А. — 66
 Озеров Н. Н. — 417
- Окуджава Б. Ш. — 72, 124, 162, 164, 189, 199, 239, 241, 283, 298, 350
 Окуджава О. В. — 189
 Окунев Ю. (Израилев И. А.) — 131, 349, 352
 Орджоникидзе С. — 425
 Ордынский В. С. — 297
 ОрловаКопелева Р. Д. — 70
 Орловская Д. Г. — 244
 Острецов Г. В. — 421, 428, 429
 Островская Г. Т. — 320, 321, 324
 Островский А. Н.
 Охлопков Н. П. — 278
- Папанов А. Д.
 Парщиков А. М. — 255
 Пастернак Б. Л. — 9, 10, 15, 18, 38, 62, 63, 69, 123, 124, 136, 146, 154, 175, 211, 222, 223, 237, 258, 289, 253, 301, 331, 335, 358, 373, 374, 378, 385, 398, 409
 Пастернак Е. Б. — 360, 374
 Перельгин В. А. — 117, 120, 121, 125, 126, 195, 293, 375–380
 Перро Ш. — 243
 Петрарка Ф. — 212
- Петрова Е. В. — 320
 Петровых М. С. — 70, 96, 150, 154, 225, 245, 289, 357
 Петропавловская А. П. — 420, 421
 Пикайзен В. А. — 155
- Пинскер И. — 421, 428
 Плучек В. Н. — 317
 Покровский Н. А. — 402
 Поликарпов С. И. — 244–246, 248
 Полтавская К. В. — 418–439
 Правдина Т. А.
 Пригов Д. А. — 259
 Пушкин А. С. — 18, 63, 69, 105, 157, 160, 164, 197, 198, 201, 202, 282, 287, 289, 307, 354, 424
- Радноти М. — 224
 Райкин К. А. — 119, 304
 Райнис Я. — 377
 Раскин А. Б. — 352
 Рассадин С. Б. — 13, 279, 296, 297, 302, 303, 311, 413
 Рейн Е. Б. — 12, 303
 Рембо А. — 126, 230
 Ржевская Е. М. — 128, 129
 Рид Дж. — 323
 Рильке Р. М. — 10
 Рихтер С. Т.
 Розеноер А. С. — 320, 321
 Рубашкин С. Я. — 320, 321
 Рубо Ж. — 71
 Руднев П. А. — 103
 Руммо П.-Э.
 Румарчук Л. И.
- Самури Р. — 121
 Сапогов В. А. — 87
 Сахаров А. Д. — 16, 64, 147, 154, 165, 199, 203, 241, 298, 390
 Светлов М. А. — 68, 167, 168
 Себастиану М. — 286

- Северянин И. — 90, 423, 307
- Сельвинский И. Л. — 68, 78, 352, 353
- Семичастный В. Е. — 360
- Симеон Полоцкий — 69
- Симис К. М. — 5, 325, 352, 381–389
- Симонов К. М. — 352
- Симонова Е. П. — 308
- Синявский А. Д. — 65, 187
- Скотт В. — 351
- Скрынников Р. Г. — 364
- Слободской М. Р. — 352
- Словацкого Ю. — 360
- Слуцкий Б. А. — 7, 15, 37, 43, 62, 63, 69, 78, 79, 118, 121, 128, 131, 134–136, 139, 140–146, 149, 173, 174, 211, 241, 289, 318, 324, 327, 328, 330, 332, 349, 352–354, 360, 367, 375, 381, 387, 388, 391, 394, 414, 415
- Смехов В. Б. — 5, 18, 65, 123, 148, 194, 390–400
- Смирнов С. А. — 422
- Смирнов С. В. — 352
- Смоленский Б. М. — 64, 317, 332
- Смоленский Я. М. — 161, 288
- Соболь М. А. — 320
- Собольщиков-Самарин Н. И. — 402
- Соколов В. Н. — 148
- Солженицын А. И. — 76, 123, 207
- Станкевич Н. — 428
- Соссюр Ф. де — 103
- Стрелкунас Й. — 233, 240, 242
- Сумароков А. П. — 69
- Суслова Э. В. — 17, 401–412
- Табак О. П. — 152, 344
- Тадэ Э. — 308
- Тамарина Р. М. — 317
- Тарковский А. А. — 10, 86, 282, 289, 300, 313
- Твардовский А. Т. — 66, 68, 84, 289
- Терехова М. Б. — 357
- Терсков Е. Ф. — 420
- Тимфеев Ю. П. — 163, 317, 323, 324, 330
- Тихонов Н. С. — 222
- Толмачева Л. М. — 161, 288
- Толстой А. К. — 85, 102, 162, 297,
- Толстой Л. Н. — 18, 158, 303
- Тоом Л. В. — 320, 323, 326
- Топтунов Е. Н. — 370
- Третьяковский В. К.
- Троцкий Л. Д. — 323
- Трояновский О. А. — 196
- Тумаркин В. И.
- Тухачевский М. Н. — 425
- Тушнова В. М. — 320
- Тхоржевский И. И. — 314
- Тютчев Ф. И. — 85
- Улановская М. А. — 245
- Улановская Н. М. — 246
- Ускова Н. И. — 427
- Уфимцев И. В. — 261
- Физгеер В. — 124
- Фогельсон В. С. — 226, 340, 414
- Фогельсон Л. И. — 60, 133, 172
- Фогельсон О. Л. (Ляля) — 18, 49, 180, 133, 382
- Фриш М. — 313
- Харитонов М. С. — 118, 126, 158
- Хлебников В. — 74, 139, 289, 291
- Хлебников О. Н. — 5, 11, 12, 96, 99, 236, 265, 266, 412–417
- Ходасевич В. Ф. — 68, 352
- Хомский П. И. — 278
- Цветева М. И. — 62, 122, 123, 203, 289
- Чаадаев П. Я. — 197
- Чавчавадзе И. Г. — 148
- Чайковский Б. А. — 148
- Чериковер Э. — 428, 433, 437, 438
- Черниченко Ю. Д. — 241
- Чернова А. — 393
- Черняев А. С. — 5, 7, 148, 196, 337, 418, 434
- Чехов А. П.
- Чеховская И. — 187
- Чичибабин Б. А. — 72
- Чуковская Л. К. — 11, 13, 16, 58, 78, 86, 122, 152, 154, 166, 198, 200, 224, 225, 380
- Чумаков Ю. Н. — 103
- Чупринин С. И.
- Чухонцев О. Г.
- Шайтанов И. О. — 140, 141
- Шапиро А. Б. (А. Свирин)
- Шахбазов Н. Г. — 32

Шаховской Ю. — 334, 415
Шацкий С. Т. — 415
Шварц Е. Л. — 136, 262
Шекспир У. — 116, 152,
153, 285, 330, 334
Шехтель Ф. О. — 418
Шопенгауэр А.
Шор А. — 322

Штейнберг А. А. — 200
Шуберт Ф. — 13, 167, 261
Щекочихин Ю. П. — 415
Щипачев С. П. — 205

Эйдельман Н. Я. — 16, 147
Эрдман Н. Р. — 219, 390
Эренбург И. Г. — 424

Юдахин А. В. — 258
Юрский С. Ю. — 129

Якир П. И. — 252
Якобсон А. А. — 150, 153,
154, 171, 218, 220, 244,
245, 247, 250, 258, 260
Яшин А. Я. — 352

СОДЕРЖАНИЕ

- Андрей Немзер*
5 Что остается нам?
- Александр Давыдов**
49 ДНЕЙ С РОДНЫМИ ДУШАМИ
30 Лирические воспоминания
- Вадим Баевский**
57 В НЕМ КАЖДЫЙ ВЕРШОК БЫЛ ПОЭТ
- Ирина Белобровцева**
117 РИТМ СЕРДЦА
- Петр Горелик**
128 ДАВИД САМОЙЛОВ
- Александр Городницкий**
146 ДАВИД САМОЙЛОВ
- Игорь Губерман**
167 ПОДЛИННО ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕМУАР
- Геннадий Евграфов**
186 «И ВСЕХ, КОГО ЛЮБИЛ...»
- Евгений Евтушенко**
209 ТИХО ОКАЗАВШИЙСЯ КЛАССИКОМ
- Георгий Ефремов**
214 ЖЕЛТАЯ ПЫЛЬ
(Заметки о Давиде Самойлове)
- Тамара Жирмунская**
244 ПРОСТОТА СЕГО УРОКА
Голос издалика
- Юлий Ким**
252 ВОСПОМИНАНИЕ О ДАВИДЕ

- 278 **Михаил Козаков**
ПУШКИНИАНЕЦ
- 316 **Исай Кузнецов**
«О МОЛОДОСТЬ ПОСЛЕВОЕННАЯ...»
- 332 **Лидия Либединская**
«ВСЁ ЭТО БУДЕТ БЕЗ МЕНЯ...»
- 337 **Семён Лунгин**
ПРИМЕНИТЕЛЬНО К СМЕРТИ
- 349 **Михаил Львовский**
ТАК ЗАПОМНИЛОСЬ
- 357 **Наталья Мирская**
«ЛИШЬ ПАМЯТЬ НЕ ТРОНУТА ХЛАДОМ»
- 375 **Виктор Перельгин**
ДАВИД САМОЙЛОВ В ПЯРНУ
Несколько страниц из дневника: все это — февраль
- 381 **Константин Симис**
ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕЗИКЕ
- 390 **Вениамин Смехов**
В БЕЗБОЖНОМ ПЕРЕУЛКЕ, «В РАБОЧЕМ ПОРЯДКЕ»
- 401 **Эра Сулова**
«МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО Я ВАС ЗНАЛ ВСЕГДА...»
- 412 **Олег Хлебников**
ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ
- 418 **Анатолий Черняев**
ШКОЛА, НАВСЕГДА ОПРЕДЕЛИВШАЯ
МОЙ ВНУТРЕННИЙ МИР
- 440 **Указатель имен**

Литературно-художественное издание 12+

«ТЕБЯ МНЕ ПАМЯТЬ ВОЗВРАТИЛА...»

Книга воспоминаний
о Давиде Самойлове

Оператор компьютерной верстки
переплета и иллюстраций

В. М. Драновский

Оператор компьютерной верстки

Л. Г. Иванова

Технолог

М. С. Кырбаш

ООО «Центр книги Рудомино».

Николаямская ул., д. 1, Москва, Россия, 109240,

e-mail: rudomino@libfl.ru,

www.facebook.com/CentreBook.

Отдел реализации издательства:

(495) 915-31-00

Подписано в печать 00.00.2023

Формат 70×100/16

Тираж 1000 экз.

Заказ №

Технологическое сопровождение

и допечатная подготовка ООО «Бослен»

<http://www.boslen.ru>; e-mail: info@boslen.ru

Отпечатано в АО «ИПП «Уральский рабочий»»

620990, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

<http://www.uralprint.ru>

book@uralprint.ru